

К новому подьему!

Чувством высокой ответственности перед партией и народом была пронизана вся работа только что закончившегося пленума правления Союза советских писателей. Пленум не случайно сосредоточил свое внимание на вопросах состояния братских литератур — армянской, казахской, латышской — и на вопросах развития драматургии и кинодраматургии. В решении этих вопросов кровно заинтересованы читатели Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, всех советских республик, кровно заинтересованы миллионы и миллионы зрителей театра и кино.

Многонациональная социалистическая советская литература — самая передовая, самая идейная, самая реалистическая литература мира. Сила ее — в беспримерной партийности, неразрывной связи с народом, в верности лучшим традициям великого русского искусства. Успехам советской литературы обязана вдохновляющему и направляющему руководству партии Ленина—Сталина. Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам оказали плодотворное влияние на всю нашу литературу и, в частности, на драматургию.

Драматургия театра и кино обратилась к коренным темам современности, к правдивому и равносильному изображению советского человека — строителя коммунизма в его труде, в его деяниях. Лучшие драматурги и сценаристы сумели увидеть и показать в своих пьесах и сценариях борьбу нового со старым и решительно встали на сторону нового в его борьбе против косности и равнодушия, против буржуазных пережитков, против всего, что тормозит наше движение вперед. За последнее время ясно определилось наиболее плодотворное направление в нашей драматургии, представляющее такими пьесами, как «Великая сила» Б. Ромашова, «Русский вопрос» К. Симонова, «Победитель» Б. Чиркова, «Хлеб наш насущный» И. Варты, «Жизнь в пятачке» и «Борьба без лжи» Ю. Яковлева, «Маяк Дубрава» А. Корнейчука, «Глядя на фарфор» А. Григунца, «Южный узел» А. Первенцева, «Закон чести» А. Штейна, «Коммюникант Заслонов» А. Мовзова, «Волшебная суббота» А. Сухова и рядом других произведений. В кино это же направление привнесло в сознание наших читателей фильмы, как «Молодая гвардия», «Третий удар», «Повесть о настоящем человеке», «Сказание о земле Сибирской» и другие.

Однако нынешнее состояние репертуара драматических театров и кино не дает никаких оснований для успокоения. Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам театра и кино еще далеко не выполнены. Мало еще у нас хороших, высококачественных, боевых пьес и фильмов, посвященных жизни и борьбе советского народа. Отставание советской драматургии становится тормозом для дальнейшего подъема советской театральной культуры.

Президиум и секретариат Союза советских писателей не мобилизовали писателей на выполнение постановлений ЦК ВКП(б) о репертуаре театров, не вовлекли в работу над пьесами лучших писателей страны, не руководили писателями, создающими драматические произведения, не оказывали им творческой помощи. Особенно недопустимо, что молодые писатели, пришедшие за последние два года в драматургию, не получали необходимой помощи со стороны секретариата и президиума Союза писателей.

В результате того, что этот важный участок советской литературы выпал из поля зрения секретариата Союза писателей, на сцене и в портфеле театров страны, в печати за последнее время снова появляются безидейные, неудовлетворительные пьесы. Одни из них («Бархатный сезон» Н. Погодина, «Советы» В. Соколовы) являются прямым выражением советской жизни, искажением образов советских людей, другие («Не ждали» В. Панкова, «Студенты» И. Фина, «Жили три друга» А. Успенского) по своему знаменитому идеологическому уровню никак не могут отвечать возросшим запросам советского зрителя. На сценах театров появляются переделанные пьесы западных буржуазно-либеральных авторов, не представляющие никакой идейно-художественной ценности для советского зрителя.

В нашей драматургии почти отсутствуют произведения, посвященные трудовым подвигам советских людей. Совершенно недостаточно изображаются на сценах театров рабочие и колхозники, их борьба за выполнение пятилетки, за укрепление могущества советского государства. Идейная борьба за торжество передовых советских материалистических взглядов в науке (например, в области биологии, сельского хозяйства, медицины), против враждебных и отсталых идеалистических взглядов современных буржуазных ученых Западной Европы и Америки не нашла своего отражения в работе советских драматургов. Разнообразные проявления выживотства перед буржуазным Западом, которые еще имеют место среди отсталых слоев советской интеллигенции, подтверждаются разблуживанием и осмеиванием еще в очень немногих пьесах. Тема борьбы с проявлениями выживотства, воспитание советского патриотизма остается одной из главных тем драматургии.

Союз советских писателей и его комиссия по драматургии не ставили перед драматургами задачи овладения профессиональным мастерством, повышения художественного уровня произведений. Во многих пьесах писатели, наблюдая явления жизни, фиксируют их без глубокого идейно-художественного обобщения. Нередко неправильно поставленная тема в пьесе, ее большая идея не находят должного воплощения в характере и личных судьбах героев пьесы. Все это приводит к тому, что эти пьесы, в силу их недостаточного высокого художественного уровня, не заинтересовывают советского зрителя и быстро сходят с репертуара.

Важнейшей причиной отставания выше слабостей советской драматургии попрежнему является недостаточная связь писа-

телей и драматургов с современной жизнью и трудом рабочих, колхозников и интеллигенции. Союз писателей не играет роли идейно-творческого центра, возглавляющего и организующего систематическое, планомерное писательское изучение современной действительности.

Серьезным тормозом дальнейшего роста драматургии является нынешнее совершенно неудовлетворительное состояние театральной критики. Театральная критика не поддерживает наиболее плодотворное, передовое, идейное, партийное направление в драматургии, терпимо относится к произведенным поверхностным, безидейным, искажающим нашу действительность.

В театральной печати, как это было убедительно показано в выступлениях А. Фадеева и в докладе А. Софронова, существует засилье критиков, стоящих на эстетских, формалистических позициях и с этих порочных позиций позиций пытаются дискредитировать, сбивать советскую драматургию с верного пути былинно-истинной партийности. Под флагом защиты высоких художественных требований эстетствующая критика ведет борьбу против отражения нового в социалистической действительности, охватывает лучшие пьесы, получившие признание зрителей и всей советской общественности. Под флагом борьбы против «нависловости» театров эстетствующая критика фактически тянет наши театры к давно прошедшим временам господства формалистических ухищрений, сбивает наше театральное искусство с позиций социалистического реализма.

Немаловажные, злобные работы А. Гурьяна, Ю. Юозовского, Л. Малюгина и других остаются нераскритикованными. В среде театральных критиков до сих пор существуют привилегии, групповые отношения. Часть советских театральных критиков (А. Борщаговский, Г. Бодяжев, Я. Варшавский) фактически идет на поводу у критики формалистической, эстетской, другой (М. Альтман, Е. Холодов) примитивно относится к этим чуждым взглядам на драматургию и театральное искусство.

«Литературная газета» не уделяет необходимого внимания работе советских драматургов и критиков.

Только разоблачая эстетствующих снобов, высокомерно третирующих советскую драматургию, можно создать благоприятную обстановку для подлинно принципиальной, деловой, требовательной критики слабостей и недостатков нашей драматургии и театров, для действительной борьбы за сочетание большевистской идейности и высокой художественности, за дальнейшее повышение мастерства наших драматургов, за создание советской драматургической классики.

Между тем, эстетствующие критики до сих пор кое-где занимают командные посты. Удивительно ли, что плохо работала комиссия по драматургии Союза писателей, если одним из руководителей ее был критик Л. Малюгин, печально известный своей заштитой эстетской и идеалистической книги Саломеи о режиссуре, а ныне выступивший в свет эстетскую и апологичную книгу о Хмелеве, искажающую облик великого советского актера, всасывая приваживающую советскую драматургию.

Критик А. Борщаговский в последнем своем докладе о новых пьесах и спектаклях весь огонь своей критики сосредоточил как раз против тех пьес, которые представляют собой наиболее плодотворное, реалистическое, партийное направление нашей драматургии. Явно неправильную позицию занял тов. Борщаговский в недавней дискуссии о драматургии в журнале «Театр», ратуя, по существу, против традиций русской классической драматургии, за разрушение драматической формы под видом борьбы за новаторство.

Печать апологичности и беспринципности лежит на всей деятельности объединения театральных критиков при Всероссийском театральном обществе. Эстетская критика находит прибежище на страницах журналов «Театр» и особенно в газете «Советское искусство», где, кстати, членом редколлегии по театру является тот же Л. Малюгин.

«Завоев политический смысл», — подчеркивал в своем выступлении на пленуме генеральный секретарь ЦК А. Фадеев, — «весь этот, с позволения сказать, критик! Можем ли мы рассуждать, как стремление по-юношески силиться и обидеть передовую советскую драматургию, что, разумеется, предполагает в часе прочего и критику ее недостатков? Нет, потому что первым актом критики должно быть определение того жизненно нового, что внес писатель своим произведением, и отношение на идейных противников, которые не любят нового и стремятся свалить на прочь советскую драматургию. А уж после того можно и нужно заняться рассмотрением ее недостатков... А наши провинциальные эстеты со своими мелкими вкусами и требованиями не находят ничего лучшего, как дискредитация всего самого передового, что имеется сейчас в драматических произведениях социалистического реализма».

Долг критики, стоящей на принципиальных партийных позициях, — решительно бороться против всяческих репрессивных эстетства и формализма, за высокий идейный и художественный уровень советской литературы.

Пленум правления Союза советских писателей явился важным этапом борьбы за торжество ленинско-сталинского принципа партийности литературы, против идейных противников, стоящих на позициях апологичного искусства, эстетства и формализма.

За работу, товарищи писатели! Советский народ требует нового подъема нашей многонациональной социалистической литературы. Многомиллионный читатель и зритель ждут новых замечательных произведений, в которых будет правдиво и ярко изображена жизнь советского общества, героический труд народа, руководящая и вдохновляющая роль партии, борьба за мир и демократию, борьба за коммунизм. Народ ждет таких книг, пьес, фильмов, которые будут обогащать его знание жизни, помогать партии в величайшей борьбе за построение коммунистического общества. Советская литература должна быть достойна народа, уверенно идущего к новым победам под водительством великого Сталина!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 103 (2486)

Суббота, 25 декабря 1948 г.

Цена 40 коп.

От участников пленума правления Союза советских писателей СССР

Товарищу СТАЛИНУ Иосифу Виссарионовичу

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы, советские писатели, собравшись на XII пленум правления Союза советских писателей, шлем Вам, вождю и учителю народов советской страны и всего трудящегося человечества, великому другу советской литературы, горячий привет и благодарность за отеческую заботу и внимание, которое проявляете Вы к советской литературе, к нашей творческой работе.

Многонациональная наша литература сейчас находится на подъеме. Ее успехи неразрывно связаны с великими достижениями советского народа, идущего к коммунизму, победно выполняющего послевоенный план восстановления и развития народного хозяйства.

Исторические постановления Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии по идеологическим вопросам стали для нас программой жизни и борьбы, основой новых свершений в области родной литературы. Постоянное и глубокое внимание партии к вопросам развития литературы, ее роли в коммунистическом воспитании миллионов людей вдохновляет советских писателей на создание новых высококачественных произведений.

Партия воспитывает нас в духе высокой требовательности к своему труду, дает нам примеры подлинной выскательности, учит нас не успокаиваться на достигнутом. XII пленум правления Союза советских писателей проходил под знаком проверки выполнения мудрых указаний Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии по идеологическим вопросам.

Мы отчетливо сознаем, что успехи советской литературы за последние два года обязывают нас еще решительнее, еще настойчивее бороться за идеальную чистоту советского искусства, быть непримиримыми к

враждебным теориям и направлениям, мешающим дальнейшему росту и процветанию нашей культуры.

Для нас, советских писателей, самой главной, самой почетной задачей является воспитание советского народа в духе беззаветной любви к своей социалистической Родине, к великой партии Ленина—Сталина, в духе готовности отдать все силы победе коммунизма.

Для того, чтобы литература выполняла свою почетную воспитательную роль, нам надо еще много сделать. Особенно нетерпимо отставание нашей драматургии и кинодраматургии — этих наиболее действенных и подлинно массовых видов искусства. Пленум сосредоточил внимание всех писателей на необходимости полной и глубокой реализации указаний Центрального Комитета о репертуаре драматических театров и дальнейшем развитии киноискусства. Мы знаем, что только на пути, указанном большевистской партией, советская драматургия и кинематография достигнут новых творческих побед, заслужат еще большую любовь и признание народа.

Мы заверяем Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что советские писатели отдадут все свои силы, борясь за расцвет советской литературы, создание изобилия духовной культуры в нашей стране.

От всего сердца желаем Вам, наш дорогой вождь и учитель, долгих лет здоровья на счастье советского народа, на благо всего человечества!

Да здравствует партия Ленина—Сталина, великая партия большевиков!

Да здравствует наш вождь и учитель, мудрый друг советской литературы, товарищ Сталин!

XII пленум правления Союза советских писателей СССР

XII пленум правления Союза советских писателей СССР

В творческом содружестве с театрами

Краеугольным камнем постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам является вопрос о партийности нашего искусства, вопрос о том, что искусство есть государственное дело, что драматургия, работая в театре, создает не только художественные произведения, выполняющие политические функции.

Постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров поставили перед работниками искусства и драматургией трудную, но почетную задачу. Однако трудно сказать, что Комитет по делам искусств, его учреждения, театры, драматургия с этой задачей еще не справились.

У нас есть очень мало полноценных пьес, — говорит П. Лебедев, — и театры часто обращаются к постановке бездумных, легковесных произведений. В некоторых театрах эти тенденции к облегченному репертуару приводят к тому, что второстепенные пьесы вытесняют произведения, наиболее ценные по своим идейным и художественным качествам. За последние 4—5 месяцев (июнь — октябрь) советские пьесы в наших театрах по количеству спектаклей занимали первое место, но если рассмотреть содержание этого репертуара, то оказывается, что лучшие пьесы занимают отнюдь не ведущее положение.

Правда, за последнее время Комитету по делам искусств удалось вернуть репертуар в нужное направление. К 31-го декабря Октябрьской революции почти все театры страны поставили «Московский характер» А. Софронова, «Счастие» П. Павленко, «Ветер с юга» Э. Грина, «Закон чести» А. Штейна и др. Анализ репертуара 128 театров за ноябрь, мы видим, что его основу составляют такие пьесы, как «Московский характер», «Закон чести», «Губернатор провинции» бр. Тур, «Маяк Дубрава»

Из выступления председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. Лебедева

А. Корнейчука, «Великая сила» Б. Ромашова, «Юность отцов» Б. Горбатова, «Любовь Яровая» К. Тренева. Положение постепенно выправляется, но оно не может нас удовлетворить. Главные причины неудовлетворительного состояния репертуара заключаются в отсутствии достаточного количества новых пьес. Ведь только московские и ленинградские театры должны получить от драматургов на новый театральный сезон свыше 60 пьес, а написаны только 23 пьесы. Правда, нам обещают дать новые пьесы К. Симонов, А. Корнейчук, В. Коженин, А. Софронов, В. Вишневский, Б. Лавренев, Б. Ромашов, А. Первенцев, но пока их нет очень трудно утвердить репертуарный план театров. За последние годы творческая активность большинства драматургов резко снизилась, и мы призываем пленум Союза советских писателей помочь нам, чтобы активно работали и Л. Леонов, и К. Симонов, и В. Вишневский, и Б. Лавренев, и А. Грин, и другие писатели, создавшие советский репертуар.

Наши театры выдвинули большую плеяду молодых, талантливых актеров. Малый театр, МХАТ, театр имени Вахтангова и другие театры могут гордиться новыми именами актерской молодежи. Эта актерская молодежь ждет новых пьес. В том, что хорошие пьесы еще очень мало, значительная вина театров. Вся история русского театра говорит о содружестве театра и драматургии, и мы не можем забывать эти традиции.

Далее П. Лебедев говорит о недостатках нашей драматургии, об идейных ошибках отдельных пьес. У некоторых драматургов отсутствует главное — чувство нового, партийность в понимании и изображении жизни советского человека. Они часто оперируют образами, характерами, которые, может быть, воспринимались советскими зрителем лет двадцать тому назад благожелательно, но сейчас не улавливаются в наши понятия и не отвечают требованиям современного искусства. Еще до сих пор многие драматурги стремятся изобразить черный ход жизни, интересуются людьми с «раздвоенной душой», психологически выверены и делают это со смаком, но любовью, так что отрицательные персонажи часто бывают интереснее, чем положительные. Как раз на это обращал внимание Центральный Комитет партии, указывая, что в ряде пьес советские драматурги показывали отрицательные персонажи ярче, чем положительные.

П. Лебедев резко критикует пьесу Ва. Соколовы «Советы» и пьесу Н. Погодина «Бархатный сезон».

Анализируя состояние современной критики, П. Лебедев подчеркивает, что до сих пор в критике живут и действуют противники реализмического искусства, с унизительным осмеиванием о формалистический умах критиков в театральном искусстве. Поэтому они так много говорят о недостатках нашего театра и замалчивают его серьезные политические победы. Резкое осуждение заслуживают журналы «Театр» и газета «Советское искусство», которые не выполняют постановления партии, часто дезориентируют наше искусство.

Пленум Союза советских писателей, — заключает П. Лебедев, — должен наметить пути для устранения недостатков в нашей драматургии и театре и помочь советскому театальному искусству добиться дальнейших успехов.

Торжественное заседание памяти Адама Мицкевича

23 декабря в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения великого польского поэта Адама Мицкевича, организованное Союзом советских писателей СССР, Славянским комитетом СССР и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей.

Писатели и поэты, деятели искусства и науки, стахановцы московских предприятий, генералы и офицеры Советской Армии, представители общественности собрались в зале на вечер памяти гениального польского поэта. Здесь также присутствует большая группа студентов и аспирантов стран народной демократии, обучающихся сейчас в высших учебных заведениях Москвы. В дипломатической ложе — главы посольств и мисий стран народной демократии в СССР.

В глубине сцены — большой портрет Адама Мицкевича, украшенный польскими национальными флагами. На темном фоне бархата белое изображение 1798—1948.

В президиум заседания — генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. Фадеев, проф. Ф. Головинский, заместитель министра иностранных дел СССР В. Зорин, писатели А. Софронов, Н. Тихонов, В. Вишневский, В. Катаев, А. Твардовский, П. Антокольский, С. Михалков, С. Шипачев, народный художник СССР А. Герасимов, народный артист СССР Ю. Завальский, академик С. Струмилин, болгарские писатели Людмила Стоянова, Крум Колыаков и Мария Грушевицкая, чрезвычайный и полномочный посол Польской республики г-н М. Навковский, члены Славянского комитета СССР, правления ВОКС и другие.

Торжественное заседание открывает тов. А. Фадеев. Он говорит:

— В этот примечательный день 150-летия со дня рождения мирового гения, национальной гордости польского народа Адама Мицкевича, разрешите мне передать братскому народу Польши и ее интеллигенции, деятелям литературы, науки, искусства, строящим новую демократическую Польшу, горячий привет. Пусть торжества, связанные с этим великим человеком, послужат делу дальнейшего укрепления братских связей между советским и польским народами в совместной борьбе за мир, прогресс и демократию.

Звучат гимны Польской республики и Советского Союза.

Затем слово для доклада «Великий польский поэт Адам Мицкевич» предоставляет писателю Н. Тихонову. Он охарактеризовал великого польского поэта, как неукротимого революционного демократа, народного певца, стоящего не только в первом ряду поэтов братской Польши, но и в первом ряду гениев мировой литературы.

Докладчик особенно подчеркивает огромную роль, которую сыграл Мицкевич в укреплении дружбы между польским и русским народами.

Выступивший с речью чрезвычайный и полномочный посол Польской республики в СССР г-н М. Навковский сказал:

— Это юбилейное торжество является символом плодотворного культурного сотрудничества двух наших стран, особенно важного для нашего народа, вступающего на путь народной демократии. Польский рабочий класс, ведущий под руководством созданной несколько дней назад Польской объединенной рабочей партии весь польский народ к лучшему будущему — социализму, преумножает многовековую сокровищницу национальной культуры, в которой неустанно горит имя Мицкевича. События мечты Мицкевича, которые он повернул Пушкину, — постоянно укреплению дружбы между польским и русским народами.

Г-н М. Навковский провозглашает здравицу в честь вечной польско-советской дружбы, в честь великого друга польского народа и всех свободлюбивых народов — Генералиссимуса И. В. Сталина.

Снова звучат гимны Польской республики и Советского Союза.

После заседания состоялся концерт, в котором приняли участие лучшие артистические силы столицы, а также польский певец Ежи Гарда.

Декада латышской литературы

В Москве, в Центральном доме литераторов, 22 декабря открылась декада латышской литературы.

Вечер открыл А. Фадеев, который сердечно приветствовал гостей от имени правления Союза советских писателей СССР.

С докладом выступил Виллис Ламс. Он осветил историю развития латышской литературы и изложил основные проблемы, стоящие перед писателями Советской Латвии.

Поэты А. Сурков, С. Маршак, П. Антокольский, В. Державин, П. Козловский, И. Сельвинский, В. Туннов и другие прочли свои переводы латышских поэтов.

С чтением отдельных произведений Я. Райниса, А. Упита, А. Сакса, Я. Судрабальса и других на русском языке выступили народная артистка РСФСР П. Мансурова, народный артист РСФСР М. Яншин, заслуженный артист РСФСР В. Аксенов и артисты Н. Першин и В. Попов.

Состоялся большой концерт, в котором приняли участие народная артистка Латвийской ССР Э. Пауля, заслуженный артист РСФСР М. Александрович, заслуженные артисты Латвийской ССР А. Вилманис, А. Дашков, А. Лунин и государственный хор Латвийской ССР под управлением заслуженного деятеля искусств Я. Озолина.

На открытии декады присутствовали многочисленные гости — писатели братских литератур народов СССР, партийные, советские работники и деятели культуры Латвийской республики.

Участники вечера ознакомились с выставкой латышской литературы и живописи.

Вечер латышских писателей состоялся также в Военно-политической академии им. Ленина и во Дворце культуры завода им. Горького.

Советская кинодраматургия после Постановления ЦК ВКП(б) „О кинофильме „Большая жизнь“

Доклад заместителя министра кинематографии СССР В. Щербины

Вопрос о кинодраматургии впервые ставится на обсуждение правления Союза советских писателей. Это очень своевременно и важно, так как сегодняшнее состояние сценарного дела выдвигает ряд жизненно важных проблем.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства дали нашему кино боевую творческую программу, наметили адекватную перспективу его дальнейшего развития. В постановлении о фильме «Большая жизнь» указаны коренные недостатки нашей кинодраматургии: плохое знание сценаристами великих дел и высоких духовных качеств советских людей, неумение по-настоящему отображать их в произведении искусства.

Партия призвала работников литературы и искусства к всестороннему и углубленному изучению действительности, правдивому ее изображению, направив кино на путь высокой идейности и художественного мастерства.

Два года, прошедшие после постановления о кинофильме «Большая жизнь», были временем напряженной творческой работы. Советское кино добилось известных успехов. Указанная партия определенная значительный поворот советской кинодраматургии в основном направлении и в вопросах политической жизни. Создан ряд значительных произведений кинематографии, в числе которых — «Русский вопрос», «Третий удар», «Сельская учительница», «Сказание о земле Сибирской», «Навон», «Далекая невеста», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Мичурин».

О достижениях советского киноискусства убедительно свидетельствуют триумфальные победы наших фильмов на международных фестивалях во Франции, Италии, Чехословакии, тот интерес и любовь, которые они завоевали у народов всего мира.

В достижениях советского кино не малую роль сыграл труд наших сценаристов. Опыт создания выдающихся фильмов после решения ЦК ВКП(б) особенно убедительно показывает, что успешное развитие киноискусства вперед мыслимо без идейно-художественного подвига кинодраматургии.

Велика заслуга кинодраматургии, создавшей крупные художественно-документальные произведения о Великой Отечественной войне, о сталинской стратегии, о героизме, высокой морали и патриотизме советских людей. Речь идет о таких сценариях, как «Третий удар» А. Первенцева, «Сталинградская битва» Н. Вурганова, «Паление Берлина» П. Павленко и М. Чауриса.

Современная американская кинематография не смеет и помыслить о производстве такого творческого масштаба, как «Паление Берлина» или «Сталинградская битва». Прогрессист последнего художественного воссоздания великих событий по праву принадлежит советскому киноискусству — искусству жизненной правды и передовой мысли.

Снижение фактов истории о художественном воплощении обобщенных образов народа придает этим произведениям огромную поэтическую и познавательную силу.

Фильмы «Третий удар» и «Сталинградская битва» вызвали кое у кого опасение, что обилие батальных эпизодов делает последующие сценарии слишком похожими друг на друга. Но писатели находят новые изобразительные пути. В «Палении Берлина» дано уже новое художественное решение исторической темы: драматизм фильма скрепляется не только хронологической последовательностью событий, но и судьбами героев, через которых мы видим судьбу народа, судьбу человечества. П. Павленко и М. Чаурис последовательно продолжают начатое ими в «Битве» изображение человека в связи с великими историческими событиями.

Особое значение названных сценариев в том, что в них с большой поэзией показан образ товарища Сталина, вождя партии и величайшего полководца.

В актив нашей кинодраматургии следует выделить многие произведения биографического жанра, имеющие большое идейно-воспитательное и познавательное значение. Писатели дали кинематографии такие сценарии, как «Порог» (Ю. Германа), «Глянка» (Л. Арштинга), «Александр Матросов» (Г. Мавлянов), «Академик Иван Павлов» (М. Павлова), «Мичурин» (А. Довженко) и другие.

Следует отметить, что писатели не сразу поняли во всей глубине свои задачи в этом жанре. Решающее воздействие в данном случае оказала партийная критика первого варианта сценария и фильма «Мичурин». Она четко определила генеральный путь развития советского биографического фильма, его сущность, его лучшие черты, резко отличающие его от буржуазного зарубежного биографического фильма. Если зарубежное кино рисует, главным образом, частную жизнь великих людей, различные анекдоты, приносящие и искажающие облик исторического деятеля, а иногда и прямо фальсифицирующие смысл его деятельности, советский биографический сценарий прежде всего изображает жизненное дело, которое возвышает героя в глазах человечества.

Ошибка А. Довженко в первом варианте сценария «Мичурин» состояла в том, что он не осознавал до конца глубочайшего генерального преобразования природы. В фильме больше было показана личная судьба Мичурина, чем его деятельность.

А. Довженко во время дискуссии по вопросам биографии особенно ясно понял, насколько был далек его первый вариант «Мичурина» от подлинного. Драматург признал, что совершил крупную ошибку, и с мужеством настоящего художника взялся за корректуру.

Печатается по сокращенной стенограмме.

реиную переработку сценария и картины. Ему удалось создать совершенно новый, исторически правдивый фильм.

Многие историко-биографические сценарии провалились за последнее время потому, что авторы их отходили от правды социалистического реализма, забывали о главных идейно-эстетических принципах. Они погружались в фильмы множество развлекательных притесков, «экзотических» деталей, которые, вместо того, чтобы обострять действие, в сущности уводило его в сторону, мешало проникновению и обнаруживало у автора отсутствие веры во впечатляющую правду жизни.

Грешит неуважением развлекательными притесками даже такой квалифицированный сценарий, как «Порог» Ю. Германа. Подобные недостатки пресекли и сценарии А. Гранберга о Жуковском, первого варианта сценария Ф. Рокоссовца и В. Кресса о Я. Райнисе. В этих сценариях еще сказываются традиции старой аристократической драмы, где «аристократы Ада» — верхи, а народ — где-то внизу. Авторы создаваемых биографических фильмов следуют предупредить и о необходимости поисков новых художественных средств, так как уже наблюдается повторение одних и тех же схем.

Третья значительная группа в сценарной литературе последнего времени занимают произведения, написанные по известным пьесам и романам. В числе их: «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» по пьесе Б. Поленова, «За тех, кто в море!» по пьесе Б. Захарова, «Мистер Томсон бежит в Америку» по роману Т. Сентюжана «Англет уходит в горы», «Великая сила» по одноименной пьесе В. Ромашова.

К сожалению, пока еще наименее весомую группу составляют сценарии о нашей современности. Среди них выделяются по своей идейно-художественной значимости «Сельская учительница» М. Смирнова. Следует также отметить, как положительные явления кинодраматургии, «Сказание о земле Сибирской» Е. Понемашева и Н. Рожкова, «Суд чести» А. Штейна и другие.

Положение на этом участке кинодраматургии наглядно свидетельствует, что, несмотря на известные успехи, кино еще отстает от запросов советского народа и задач, которые ставит партия перед киноискусством.

Обращает на себя внимание малый идейный вес и невысокое идейно-художественное достоинство сценариев о тружениках наших заводов и колхозов, о человеке — строителе коммунизма, герою послевоенной сталинской пятилетки.

Вызывает особую тревогу появление таких бесцветных в художественном отношении, идеологически или пустых фильмов, как «Поезд идет на Восток» (сценарий Л. Малагуна), «Солстка балует» (сценарий А. Эрлиха), «Новый дом» (сценарий Е. Понемашева).

Кинодраматургия не выполнила ее поставленную задачу постановления ЦК ВКП(б) о фильме «Большая жизнь». Она все еще отстает от событий, но не идет наравне с ними и вперед их.

Кинодраматургия делает серьезные усилия, чтобы исправить положение, но результатами этой работы удовлетвориться пока нельзя. И поскольку проза сейчас занимает ведущее место в освещении основной темы современности, то это, естественно, вызывает тяготение к экранизации лучших произведений прозы, посвященных, главным образом, послевоенной жизни. Я имею в виду «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Весну в Саянах» Г. Гуля, «Далеко от Москвы» В. Алевина, «Счастие» П. Павленко.

Создание сценариев по лучшим литературным произведениям вполне закономерно и плодотворно. Однако полноценная кинодраматургия может вырасти только на пути создания оригинальных произведений для кино. В этом отношении советская кинодраматургия развивается двумя путями, нежели американская, девятая пролетарская сценария которой построена на использовании готовых произведений театра и литературы. Несомненно, что это обусловлено бедностью духовной культуры буржуазной Америки, там же нужны идеологические культуры.

Следует напомнить, что советское киноискусство достигло больших высот, основываясь на сценариях, оригинально и самобытно разработанных писателями, теми современными, таких, как «Встречный», «Трилогия о Максиме», «Великий гражданин», «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтика», «Учитель», «Член правительства», «Трактористы», «Батя».

Знание жизни, высокая идейность определили успех лучших произведений кинодраматургии.

Неясность идейного замысла всегда приводит к неудаче. В таких случаях не поможет ни актуальность темы, ни тщательное соблюдение внешнего правдоподобия. Показателем в этом отношении сценария Л. Аграновича «68-й параллель», рассказывающий об освещении советскими людьми Дальнего Севера. Автор был на Севере в длительной научной экспедиции. Но пристрастие к старым, привычным конфликтам уводило его с верного пути, сделало ошибочной идейную концепцию сценария. В центре его произведения — конфликт между инстинктом коллективизма рабочих и инстинктом пошлости и инстинктивным начальником строительства. Простые люди — инженеры, рабочие — изображены пошлыми, бездумными исполнителями, а начальники вырастают в какого-то безобразного, притворно заботливого паразита героя.

В других случаях слабое воплощение даже верно замеченного конфликта лишает героев жизненной убедительности, делает их вил служебно-театральными фигурами, послушными рупорами известных истин. Такими, например, секретари райкомов партии в наших колхозных сценариях. Они будто сделаны по одной мерке. Если вы переместите секретаря райкома из внутреннего по замыслу сценария Э. Бураво-

вой «Драгоценные зерна» в сценарий А. Сурова «Рассвет», то ничего не изменится. Авторы указанных сценариев вместо борющихся партиями работниками не таковы! Они прежде всего деятели.

Неумение найти жизненно правдивый конфликт ведет к драматургической беспомощности многих сценариев. О существенном значении сюжета в кино говорится в постановлении ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь». Отличительная черта советского сценария — это широта действия во времени и пространстве, стремление рисовать историю героев в неразрывной связи с историей страны. Однако под флагом стремления к широкой эпичности наблюдается в ряде сценариев пренебрежение к драматургическому сюжету. В итоге мы получаем случайные сценарии.

Наша кинодраматургия должна быть вынуждена, обязана активно участвовать в борьбе против империализма.

Как известно, американские реакционные деятели отводят кино огромную роль в идеологической борьбе. Поэтому особенно в качестве идеологических руководителей Голливуда поставлены такие крупные деятели Голливуда, как Эрик Джонсон и Бернс, бывший государственный секретарь США.

Голливудские кинематографы в спешном порядке составляли пресловутый «Железный запас» и еще ряд фильмонов, провозглашенных фильмонов нашей страны в страхе перед демократией. Задача советской кинематографии состоит не только в том, чтобы отвечать ударом на удар против всей этой гнусной киноленты и нападок на нашу культуру, на социализм, на народную демократию, но и смело бить и разоблачать прокси империалистического лагеря позитивистов новой войны. Нужно больше архаичных и правдивых сценариев о преимуществах социалистического строя над капиталистическим.

Вслед за «Русским вопросом» М. Ромка по пьесе К. Симонова, «Встречей на Ялте» братьев Тур и «У нас есть родина» С. Михалкова советское кино получит сценарии: «Секретная миссия» Е. Месова и М. Малагуна, «Человек с Золотой Звезды» В. Катаева и М. Катаева, «Меченый доллар» Е. Габриловича, «Конец недели» А. Спешнева и В. Собко, «Полжизни войны» Л. Арштинга, «Мы защищаем мир» Ф. Эрлиха, М. Беймана и Н. Корварского.

Совет Министров СССР в постановлении «О плане производства художественных, документальных и видовых фильмов на 1948 год» указал, что в Министерстве кинематографии СССР существовала неправильная установка на выпуск большого количества кинофильмов в ущерб их качеству, в результате чего идейный и художественный уровень многих кинокартин не отвечал возросшим требованиям советских зрителей.

Правительство потребовало решительно повысить идейно-художественные качества выпускаемых кинокартин за счет уменьшения их количества. Планы производства фильмов на 1948 и 1949 годы ориентированы на осуществление наиболее значительных и актуальных тем.

Огромное значение постановления Совета Министров СССР состоит в том, что оно требует, прежде всего, высокого искусства, ясно ориентирует советскую кинематографию на традиции, из которых выросли лучшие произведения советской литературы и искусства.

Мы должны усилить борьбу с беспринципными ремесленниками от сценарного дела, которые тащат в нашу кинодраматургию чуждые нам буржуазные принципы, навязывая, навязывая.

Наша теория кинодраматургии страдает крупнейшими недостатками. Вышедшие за последние годы сборники «Гриффит» и «Чаплин», по сути, являются апологическим реакционно-формалистическим принципом американского кино. Авторы сборников доходят до того, что творческую роль советского киноискусства ведут от американской кинематографии, воспевают Гриффита, как «отца мирового кино». Не удивительно у Гриффита, а наоборот, характер советской жизни породил новаторское советское киноискусство.

Многие серьезные идейные ошибки наших режиссеров и сценаристов объясняются этим совершенно недопустимым отставанием теории и критики кинодраматургии. В области теории киноискусства необходим решительный поворот; разработку основных проблем марксистско-ленинской теории кино следует начать с партийной критики формалистических теорий и предрассудков, имеющих еще хождение в среде киноработников. Сейчас в области кинодраматургии самой перестройкой задач является разоблачение теорий буржуазного американского кино.

Огромный вред развитию кинодраматургии приносит теория так называемый сценарий кино. Эта теория не имеет ничего общего с изучением действительных законов киноискусства, со стремлением к высокому профессионально-художественному мастерству. Она провозглашает прежде всего на чуждых формалистических источниках, провозглашает стремление ремесленнической группы литераторов сохранить свое неоправданное положение в кино. Практически же «сценарий кино» превращается в некую камешную стену, организующую законы создания сценария от закономерно-теоретической всей советской литературы от теории социалистического реализма. Под прикрытием особой специфичности кино раскрываются самые формалистические и субъективно-индивидуалистические, эгоистические взгляды на искусство.

Перед нами стоит задача усиления борьбы с формализмом. Это — каждая из нас должна бороться с отставанием и шаблонностью, устаревшими схемами в искусстве, со стремлением рисовать действительность, исходя не из богатства реальной жизни, а

только на основе своего бедного воображения и какой-то сценарной алхимии, ветхих приемов, с помощью которых можно якобы замитировать зрелище.

Вряд ли сейчас кто-либо будет оспаривать тот факт, что сценарий является родом литературы. Сценарий, так же как и писца, имеет не только зрителя, но уже приобретает и читателя. Сценарий не только печатается отдельным изданием, он начал появляться в толстых журналах наряду с прозой, поэзией и драмой. Однако этот процесс признания сценария, как самостоятельного идейно-художественного явления, проходит не совсем гладко. На практике сценарий в ряде случаев попрежнему в среде киноработников рассматривается как полуфабрикат, приобретающий эстетическую ценность лишь после воплощения его в фильм.

Отсутствие широкой общественной оценки труда сценаристов поощряло безразличное отношение и многих литераторов к работе для кино, поощряло взгляд на него, как на «отходный промысел», далекий от больших художественных задач. Чрезвычайно острым и важным является вопрос о методе экранизации литературных произведений.

В популяризации литературы кино — необычайно мощное и в то же время обоюдоострое оружие: его заслуги неоспоримы, когда оно находит верный творческий ключ к духу и содержанию романа, повести или пьесы. Есть много случаев, когда в кино произведения литературы как бы рождаются заново, находят вторую жизнь. И наоборот, в случае плохой экранизации небрежная работа сценариста и режиссера становится большим злом, ибо оставляет в сознании десятков миллионов зрителей фальшивые, обесценивающие образы.

Советские драматурги и режиссеры стремятся к тому, чтобы передать на экране плечо произведения, его поэтическую сущность, его образы.

Но было бы ошибочно думать, что механическое перенесение на экран романа или пьесы может уберечь от искажений.

Краткая первая часть фильма «Молодая гвардия» и фильма «Свет над Россией» П. Погодина убедительно раскрыла пагубность игнорирования законов правды на сцене и на экране.

Наиболее удачными оказались те экранизации, авторы которых, сообразуясь с законами кино, создавали как бы новое самостоятельное произведение. Классическим примером является в этом смысле сценарий «Чайпане», удачные сценарии «За тех, кто в море!», «Русский вопрос», «Жизнь в питейном», «Повесть о настоящем человеке», «Звезда».

Кинематограф, обращаясь к произведению литературы, способен воспроизвести все богатство его содержания, но своими средствами — в слове, зримых образах, движении, звуке, живописи. Теряя в кино многое из своих элементов, произведение писателя приобретает взамен этого новое, нечто большее, чем может дать сама литература. Между тем многие авторы забываются, думая, что уязвимо к нему произведение, тем, чтобы сценарист дал всего лишь сокращенную копию его романа или повести.

Серьезного подкрепления требует фронт киноискусства. Лучшие наши фильмы, такие, как «Богатая невеста», «Трактористы», «Сыновья и пастухи», «Сказание о земле Сибирской», «Далекая невеста», — живые, зримые и образные, в которых авторы выводят выразительные персонажи, плоские конфликты и ситуации, лучшие от зарубежного кино, неизбежно терпят крах.

Современное буржуазное искусство стоит перед фактом полного вырождения комедии ввиду «вымысла» из нее реальных признаков жизни, а следовательно, и приращивания подлинного искусства. Наша кинокомедия развивается совершенно в ином направлении. Советская кинокомедия должна быть содержательной, основанной на правдивом, жизненном конфликте, уметь живо и ярко утвердить победу социалистического начала над пережитками капитализма в сознании людей. Эти комедии жизнеутверждающие, насыщенные музыкой, праздничной красочностью, остротой народного юмора. В этом — путь к дальнейшему расцвету нашей комедии.

В заключение я хочу остановиться на некоторых организационных вопросах.

В последние два года писатель стал ближе к кино, нежели раньше, и несколько уменьшились отношения авторов к киноорганизациям. Полностью оправдалась совместная работа авторов с режиссерами и включение автора сценария на все время постановки в штат съемочной группы. У фильма два автора — сценарист и режиссер. И они должны быть творчески связанными и понимать друг друга с самого начала создания сценария.

Уже есть положительные примеры такого творческого сотрудничества: П. Павленко — М. Чаурис; А. Первенцев — Н. Савченко; Ф. Эрлих — М. Бейман; Г. Козинцев — Ю. Герман и другие.

Интересы развития кинодраматургии требуют более тесного контакта киноорганизаций с Союзом писателей. Нельзя забывать, что члены Союза писателей ведут огромную работу не только по художественному фильму, но и в кинопроиске и научно-популярном кино.

Советское кино занимает ответственный место в коммунистическом воспитании миллионов людей. Ленин и Сталин дали классическое определение воспитательного значения кино, охарактеризовав его, как самое массовое из искусств. Товарищи Сталин указывали: «Кино в руках Советской власти представляет огромную, неисчерпаемую силу». Глубокое осознание этой великой роли киноискусства помогает работникам кинодраматургии с честью справиться с теми задачами, которые поставлены перед киноискусством и всей литературой народом, партией, государством и великим Сталиным.

ЗА ИДЕЙНУЮ БОЕВУЮ ДРАМАТУРГИЮ

Прения по докладу секретаря правления ЦСР СССР А. Софронова

17 и 18 декабря пленум обсуждал доклад секретаря правления ЦСР СССР А. Софронова «Советская драматургия после постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»».

Л. Шаповалов, директор Государственного академического Малого театра, отметил, что после решения Центрального Комитета партии появились интересные, острые, партийные пьесы, посвященные коренным вопросам советской действительности. Однако полных пьес на современную тему явно недостаточно. В этом, в первую очередь, повинны сами драматурги. Многие писатели, вошедшие в историю советского театра с яркими и значительными произведениями, сейчас пьес не пишут. Молчат Л. Леонидов, В. Катаев, Вс. Вишневский, Б. Чирсков и другие.

— Театральная критика, — говорит Л. Шаповалов, — продолжает руководствоваться в своих оценках интересами групповыми, притесскими.

Л. Сафулина подчеркивает, что писатели несут ответственность за неблагоприятное положение в репертуаре театров. Существенным problem в драматургии она считает недостаточное освещение темы советской интеллигенции.

Говоря о состоянии театральной критики, В. Залесский отмечает, что подготовка молодого поколения критиков в Государственном институте театрального искусства ведется на основе эстетических, формалистических, аполитических. Учебники и курсы по истории театра содержат грубые ошибки, не свободны от влияния космополитических теорий.

С. Михалков обращает внимание на то, что критика не занимается проблемами драматургии для детей, изредка ограничиваясь лишь рецензиями на спектакли детских театров. Л. Ошанин говорит о неудовлетворительном состоянии драматургии для музыкальных театров.

А. Арансман (Армения) указывает, что среди некоторых работников искусств республик существует вредный взгляд на драматургию, как на «ненужную» художественную литературу. ЦСР Армении не борется за создание настоящих драматических произведений, драматургия считалась делом «чуждого ведомства» — Управления по делам искусств.

М. Крапива (Белоруссия) отмечает, что в белорусскую литературу пришли молодые драматурги, которые принесли с собой новое ощущение жизни, новых героев. Но им, так же как и многим старым драматургам, не хватает настоящего мастерства, большинство пьес, написанных за этот период, весьма посредственно по своим художественным качествам.

Анализировав состояние современной драматургии Азербайджана, С. Вурган подробно рассказывает о лучших произведениях азербайджанской драматургической литературы. Из пьес, созданных за последние время, он называет «Веселые ругая» И. Эфендиева, где описывается борьба колхозников за высокий урожай, пьесу М. Гусейна «Братья», посвященную партизанам Азербайджана, пьесу Э. Мамедхали «Утро Востока».

С. Вурган подчеркивает, что писатель должен активнее вторгаться в жизнь, — только тогда увидит он многие яркие факты, события, конфликты нового со старым, достойные отображения в драматическом произведении.

О. Леонидов отметил, что комиссия по драматургии ЦСР не оказывала творческой помощи драматургам братских народов, не следила за развитием национальной драматургии, не знает ее произведений.

В ходе обсуждения доклада А. Софронова, особенно в глубоко принципиальном выступлении А. Фадеева, ясно определилось наиболее плодотворное, партийное, идейное направление в нашей драматургии и были выявлены ее идейные противники, стоящие на позициях аполитичного искусства, на позициях эстетства и формализма. Эти критики направляли свой огонь не против действительно вредных, порочных произведений, а против новых, передовых явлений в нашей драматургии. Под видом эстетической критики делались попытки «нигилистически» лучше современные пьесы.

В своем докладе А. Софронов подверг резкой критике аполитичную эстетскую позицию Л. Малагуна. А. Первенцев также говорил о порочной концепции Л. Малагуна.

Вместо того, чтобы призвать свои ошибки, Л. Малагин в демagogическом выступлении на пленуме стремился во что бы то ни стало признать достоинства советской драматургии, утверждая, что воспитательная роль лучших, наиболее идейных ее произведений незначительна.

Л. Малагин тщетно пытался оправдать свои нападки на лучшие современные пьесы «заботой» о качестве драматической литературы. Однако, эти упреки никого не могли ввести в заблуждение, ибо известно, что Л. Малагин и другие эстетствующие обыватели под видом критики художественных недостатков оппортунистично поспевают в защиту своих партийных друзей.

А. Борщоговский указывал на партийность, самкритического анализа своей творческой, эстетской позиции в оценке ряда лучших советских пьес.

Путаное, неразличительное выступление Ю. Юзовского свидетельствовало о наличии у него эстетско-аполитичных взгля-

дов, о его неумении подходить к явлениям нашей драматургии с точки зрения живой действительности.

Разоблачение формалистско-эстетских взглядов в критике, тормозящих дальнейшее развитие драматургии, явилось основной мыслью выступлений.

П. Лебедев, А. Корнейчук, Б. Ромашов, А. Первенцев подчеркивают наличие в нашей критике противников реалистического искусства и призывают к решительной борьбе с ними.

— Мы собрались здесь на пленум, — говорит А. Корнейчук, — чтобы найти кратчайший путь к новым творческим победам, устранить то, что нам мешает идти быстрее, в погону со временем.

Надо искренне и честно сказать, что в современном состоянии репертуара театров прежде всего мы сами — драматурги. Во время войны мы работали лучше, с большим темпераментом, с большей страстностью, — наши пьесы были признаны народом. Сейчас мы работаем медленнее, страстности стало меньше.

Не нужно бояться повторять, что следует учиться у жизни. У жизни действительно нужно учиться, но учиться не просто, а быть политиком, ощущать те центральные проблемы, которые стоят перед народом.

Нам нужно поддерживать ту литературу, которая старается показать простого человека, человека труда. Надо писать о людях, строящих коммунизм.

Подчас, выходя отталкиваемые персонажи, мы сначала критикуем их, а к финалу пьесы примиряемся и сажаем их за общий стол, хотя не показываем, что они перестроились, стали другими. Этого допускать нельзя.

В том, что мы полностью еще не отделили от требований, предъявленных нам партией, конечно, виноваты и критики. Где те полные страсти статьи, которые взволновали бы нас, помогли, вдохновили на новые дерзания в искусстве? Мы говорили об идеологичности драматургии, но еще в большей степени идеологичности наша критика: она часто ограничивается пересказом содержания пьес. А ведь критика должна ставить перед нами, писателями, большие проблемы, звать нас к вершинам!

— До каких пор будет продолжаться идеологическое, пренебрежительное отношение эстетствующих гурманов к нашей драматической литературе, — говорит А. Первенцев. — Долго ли они будут подталкивать своими мышиными лапами идею советской драматургии? Только возмущение может вызвать тот факт, что такие пьесы, как «Великая сажа», «Хлеб наш насущный», «В одном городе», подвергались обстрелу со стороны аполитичной критики.

Далее А. Первенцев указывает, что современный репертуар еще засорен слабыми, а иногда и безидейными пьесами, которые благодаря снобистскому отношению к ним критики и неправильному подходу театров зачастую вытесняют пьесы серьезного политического звучания.

А. Первенцев критикует пьесу Л. Славина «Интервенция», считая ошибкой постановление этого спектакля в театре им. Вахтангова.

— Однако, — заключает А. Первенцев, — было бы неверно рисовать состояние нашей драматургии мрачными красками. Постановления ЦК ВКП(б) уже привели драматургов к творческой современности, в эпоху идеологической драматургии мы увидим новые образы партийной, идеологической и высокохудожественной драматургии.

Большинство выступлений на пленуме ЦСР было пронизано одной мыслью: наши писатели должны политично обращаться к жизни, учиться у нее, разрабатывать в своих произведениях кардинальные проблемы современности. Поэтому участники пленума ознакомились с выступлением Н. Погодина, который сказал, что эти призывы уже услышаны, что не стоит предлагать подобные «рецензии» квалифицированным литераторам. Вместо того, чтобы вскрыть действительные причины, мешающие развитию нашей драматургии, Н. Погодин задался вопросом: на общественность, осуждающую ряд его ошибок, слабые, искажающие действительность пьес. Какой же вывод сделал для себя Н. Погодин из ряда своих неудач? Об этом участники пленума так и не услышали, — драматург предпочел заявить, что он будет продолжать «поиски» в том же направлении, которое уже привело его к серьезным срывам. А между тем действительная причина неудач Н. Погодина заключается в том, что он за последние время в своем творчестве отходит от заветных, основных вопросов современности в сторону мелких, обывательских тем.

А. Корнейчук, П. Лебедев, Б. Ромашов, А. Фадеев подвергли резкой критике выступление Н. Погодина.

В своей развнузганной речи, опубликованной в предпоследнем номере «Литературной газеты», А. Фадеев разоблачил сторонников эстетствующего формализма, идейных противников советского театрального искусства.

В прениях по докладу А. Софронова также принял участие М. Альтман, М. Амир, А. Глобоз, Ш. Дадина, А. Юри, Г. Муромов, Е. Холодов, И. Ченин, Ю. Чупрун, И. Чичеров.

Народный артист республики В. Орлов обратился к пленуму с письмом от коллектива МАТ с призывом помочь Художественному театру в создании современного советского спектакля.

КНИГА ВЕЛИКОЙ ПРАВДЫ

пародом создавшей колоссальный строй и уничтожившей межи.

Межа! Это слово уже почти неизвестно молодым советским людям, разве что иногда вспоминают — «По ниве прохажу я узкою межей»... Старика отлично знают это слово; печальные воспоминания встанут перед ними. Густая история русского деревенского

стыблина, вжатого между кулаком и помещиком, вспоминается вам. Межа — это собственность. Межа — это неустанный рабский труд на своей жалкой полоске. Межа — это беспробудная жизнь, отсутствие культуры, неграмотность. Межа — это наступление кулака и помещика...

В романе есть несколько строк, которые освещают психологию деревенского кулака-собственника с потрясающей силой. Автор, говоря о кулаке Петере Думне, пишет:

Все не знал, где бы еще урвать. Краем своих мешков он так запинался, что отозваться никак не мог. Вспомнил, что в кармане у него была пачка писем. Достал, начал читать. Но не мог ни одного слова разобрать. Писем было много, но все было написано в том же каллиграфическом почерке, который он так любил. И все же, когда он читал, ему казалось, что он читает не свои письма, а чужие. И это его пугало. Он закрыл книгу и вышел из комнаты. Он не знал, где бы еще урвать. Краем своих мешков он так запинался, что отозваться никак не мог. Вспомнил, что в кармане у него была пачка писем. Достал, начал читать. Но не мог ни одного слова разобрать. Писем было много, но все было написано в том же каллиграфическом почерке, который он так любил. И все же, когда он читал, ему казалось, что он читает не свои письма, а чужие. И это его пугало. Он закрыл книгу и вышел из комнаты.

но багдатыма — шаг, короче человеческое
го волоса. Бузак был багдатым, отнимал
чужую землю, и применял методы самого
бессмысленного и дикого багдатыма, ка-
только кто-нибудь выражал желание от-
нять у него награбленную землю. Конечно,
ни о какой справедливости он размышлять
уже не может, да и такую справедливость
могут ощущать волки, эти сумасшедшие
«дикие кошки», беспомяну в сурово раз-
облаченные А. Саксе!

Книга Аппы Саксе «В гору» — очень
искренняя книга. Роман говорит правду,
ничего не скрывает, ничего не завуалиро-
вано. Поэтому мы уже через несколько стра-
ниц, прочтенных вами, признаемся себе
всей душой к автору, верите ему и, как
с другом, бок о бок, рука об руку, иде-

Однако вы не опечалены этой грустью, ибо вы уверены в победе и, конечно, доведете борьбу до победоносного конца. Вы побеждали неоднократно, и многократно будете побеждать! Великий, высоко интеллигентный факел большевистской правды освещает ваш путь.

С огромной приветливостью встретили писателей Латвия не только московские писатели, — встретила вся Москва. Москва — сердце Отчизны, и если это сердце бьется радостно и гордо при виде своих гостей, то значит — правду я радуюсь вся наша Родина. Приезд латвийских писателей — сам по себе большой посылочек для нас. Но если к тому же на

стои нашего читателя они вкладывают свои замечательные книги, вроде превосходной книги А. Сакса «В городе», — нашу радость, наша гордость за творческое счастье своих творчиц удваиваются, наше сердце бьется еще горячее, наши глаза блестят еще ярче, наша дружба крепнет еще сильнее, наша Отчизна делается еще прекрасней!

НОВЫЕ КНИГИ

Райнис Я. Вей, ветерок! Народная песня в пяти действиях. Перевод с латышского Н. Асеева под редакцией Я. Суурбакка. 176 стр.

Пупыр А. Латышский — латышский народный эпос. 196 стр.

Улит А. Пареньки поселка Моховое. Перевод Я. Шумана. 146 стр.

Лаис В. Бура. Роман в 3 частях. Авторизованный перевод с латышского Я. Шумана и З. Федоровой. Ч. 1. 560 стр.

Лаис В. Кузнецы будущего. Повесть. Перевод с латышского О. Влодзятя. 148 стр.

Сакс А. В гору. Перевод с латышского Д. Глезера. 972 стр.

Саксе А. Отряд командира Яаяка. Перевод с латышского Я. Шумана и Е. Карган. 104 стр.

Суабраклан Я. Стихи. 72 стр.

Григулис А. Домик под дубом иблоняй. (В серии «Библиотека рассказов»). 72 стр.

Лукс В. Рита начинает жить. Помя. Перевод с латышского В. Державана. 56 стр.

Ванаг Ю. Рассказы о Даугава. Перевод с латышского М. Заламан. 174 стр.

Айра-Берне А. Смерть Менуса. (В серии «Библиотека рассказов»). Перевод с латышского. 64 стр.

Латышские сказки. Перевод с латышского. 304 стр.

В Гослитиздате вышли:

Лапис В. Буря. Роман в 3 частях. Ч. 1.
Авторизованный перевод Я. Шумана и
З. Федоровой. 472 стр.
Судрабали Я. Избранное. Перевод с
латышского. 332 стр.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 103

Я. ОСТРОВ,
зам. председателя Совета Министров
Латвийской ССР

них писателей из рядов прогрессивной интеллигенции.

люты, подвергшиеся ранее критике за формализм и безразличие. — Мирза Кемаль, Зияя Залте, Валис Гривини и другие.

Наша литература впервые находится на таком высоком идейном уровне. Она показывает моральный облик советского человека, воспитанного партией. Новая советская действительность занимает все больше и больше места в творчестве латыш-

Подъем литературы — одно из ярчайших свидетельств преимуществ советского государства, раскрывающего огромные возможности для дальнейшего расцвета талантов.

Какой жалкой противоположностью нашей высококачественной литературе выглядит литература буржуазной Латвии, подменявшая патриотизм моралью «человек человеку волен» и собственническими слезками, превращавшая священные понятия «народа» и «отчизна» в разменную монету ку-

Заслуженой латышской советской литературы является то, что она сорвала розовые занавески с идеологии сельской кулацкой буржуазии, сорвала шкуру агентам

Райнис Я. Вей, ветерок! Народная песня в пяти действиях. Перевод с латышского Н. Асеева под редакцией Я. Судрабкална. 176 стр.

Пупыр А. Латышский — латышский народный эпос. 196 стр.

Улит А. Пареньки поселка Моховое. Перевод Я. Шумана. 146 стр.

Лаис В. Бура. Роман в 3 частях. Авторизованный перевод с латышского Я. Шумана и З. Федоровой. Ч. 1. 560 стр.

Лаис В. Кузнецы будущего. Повесть. Перевод с латышского О. Влодзятя. 148 стр.

Сакс А. В гору. Перевод с латышского Д. Глезера. 972 стр.

Саксе А. Отряд командира Явяка. Перевод с латышского Я. Шумана и Е. Карган. 104 стр.

Судрабаскай Я. Стихи. 72 стр.

Григулис А. Домик под дикой яблоней. (В серии «Библиотека рассказов»). 72 стр.

Луке В. Рита начинает жить. Поэма. Перевод с латышского В. Держакана. 56 стр.

Ванар Ю. Рассказы о Даугаве. Перевод

с латышского М. Заламан. 174 стр.
Айрас-Берне А. Смерть Менуса. (В серии «Библиотека рассказов»). Перевод с латышского. 64 стр.
Латышские сказки. Перевод с латышского. 304 стр.

В Гослитиздате вышли:

Лапис В. Буря. Роман в 3 частях. Ч. 1.
Авторизованный перевод Я. Шумана и
З. Федоровой. 472 стр.
Судрабали Я. Избранное. Перевод с
латышского. 332 стр.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 103

В эти дни сотни тысяч агитаторов и пропагандистов все чаще навешивают рабочие квартиры и колхозные избы. Кумачом и электрическими лампочками украсились знакомые двери агитпунктов, вновь зазвучали извозованные речи о торжестве и радости советской жизни, — в стране развернулась избирательная кампания по выборам народных судей и народных заседателей. Прошла уже выборы в Ивановской, Томской областях и в Татарии, завтра избирают народы Барель-Финской ССР, Дагестана и Кабарды, избиратели Горьковской, Буревосткой, Калужской и многих других республик и областей. Я побывал в Иваново — городе славных советских текстильщиков и машиностроителей — в дни избирательной кампании и был свидетелем большого народного торжества, глубокого выражения народной гордости за свою социалистическую законность, за свой советский суд.

Судья! Сколько бесмысленной жестокости и бесчеловечной подлости долгими веками вменяло в себе это страшное для трудового человека слово. О судьбе писали и пишут, говорили и говорят так:

— Он не человек, а статуя, холодная, глухая, безжалостная. Взгляд его свободен, а взгляд, который не тот, чтобы кто-нибудь читал их мысли. Потому он превращает свои глаза в матовое стекло — глаза холода, круглые глаза мертвеца. Он смертельно ненавидит правду, истину, труд. Он любит только ложь, подкуп, взятку, волюнку, обман. Он преклоняется только перед деньгами, богатством, силой.

Место жительства этого страшного существа, имеющего человеческий облик, — царская Россия и современные капиталистические страны. Густую человеконенавистническую свою физиономию оно прикрывало и прикрывает высоким, святым именем судьи.

Тридцать один год назад на нашей земле появился новый советский судья, к созданию, до сих пор не воспетый в наших книгах, песнях, драмах. А народ, между тем, уже имеет о своем судье твердое и давнее суждение, полное огромной любви и гордости.

Наблюдая ярко отношение народа к своему судье, проведая сейчас, когда идут всеобщие выборы судей и народных заседателей.

Мария Алексеевна Башева — один из народных судей, избранных в Ивановской области 19 декабря.

В доме № 33 на Театральной улице помещается народный суд Фрунзенского района. Здесь рабочее место судьи Башевой. Войдем в этот дом, в одну из атеистов нашей советской жизни.

Мы — ровесники Октября. Мы те, чей возраст почти совпадает с возрастом Октябрьской революции. Мы так привыкли к образу нашей социалистической жизни, мы в таком изобилии покупаем ее щедрыми плодами, что почас терем способность удивляться ее чудесным явлениям, до сих пор небытым на земле. Одно из таких явлений, которому мы, писатели, не удивляемся на страницах своих книг, есть наш народный суд.

Зал суда предельно переполнен. Я смотрю на людей, всецело поглощенных процессом судебного допроса, и вспоминаю слова М. И. Калинин: «Я ругаюсь, что если судья умеет хорошо разбирать и разрешать дела, то у него всегда обеспечена аудитория, его камера всегда будет полна слушателями».

В глубине зала за столом, накрытым красным сукном, пол бронзовым гербом Российской Советской Федеративной Со-

циалистической Республики, сидит народный судья М. А. Башева — сероглазая, с овалом лица, еще не тронутый морщинами, с русыми волосами, заплетенными в тугие косички. Печать спокойствия, серьезного раздумья, горячей работы лежит на всем облике Башевой. Справа и слева от нее — народные заседатели.

Перед судом за невысоким барьером скамьи подсудимых — несколько человек, обвиняемых в расхищении социалистического имущества. Их преступные деяния положены на сотнях листов. Органы милиции и прокуратуры в течение длительного времени устанавливали, как, когда и кем было совершено преступление, определили статью, согласно которой оно должно быть наказано. Судья, однако, внимательно и терпеливо восстанавливает всю историю преступления, как будто ему до сих пор ничего не было известно. Она внимательно выслушивает подсудимых, свидетелей, задает вопросы и представляет перед нами, слушателями, как психолог и юрист, как блюститель прав и принципиальный коммунист, как человек кристальной моральной чистоты и патриот, горячо влюбленный в нашу Родину, ревниво охраняющий интересы народа. Бес облик Башевой как-то мягко, неслышно, незаметно входит в сердце. Манеры Башевой — манеры предельно скромного человека, твердо, раз и навсегда знающего, во имя чего и во имя чего он работает и живет.

И во всем этом ясно чувствуется один источник, из которого выросли все качества Башевой — судьи и человека, — наша советская жизнь, ее высокие святые законы. Башева всю свою сознательную жизнь была с народом, в его авангарде. В 15 лет она стала комсомолкой, в 22 года — членом большевистской партии. 23 года из 38, прожитых ею, она росла в боевых рядах комсомола и партии. Она видит цель, смысл своей жизни в самоотверженном труде, в заботе о государственных интересах, в защите человека от посягательств на его политические и имущественные права. Вот почему в каждом слове Башевой, как судьи, я чувствую беспредельную любовь к своей судебной работе. Здесь каждый судебный процесс требует творческого горения и неустанного труда: истина должна торжествовать! Не надо искать и обязательно находить в любом, самом трудном судебном деле, как бы далеко эта истина ни была спрятана подсудимыми или свидетелями.

Башева в процессе судебного следствия говорит тихо, ровно-спокойным голосом, без всяких ораторских ухищрений, чаще всего в форме вопросов. Но сколько она успевает сказать, сколько мыслей и чувств возбуждает она у нас, слушателей, своими вопросами!

Слушая судью, я думаю о том, что трудные люди не знали справедливого закона, защищающего их интересы, до тех пор, пока существовало на нашей земле насилие человека над человеком. Народ, взявший власть в свои руки, народ, ставший хозяином своей судьбы, создал истинно справедливый, истинно человеческий закон, стоящий на страже труда и достоинства советского человека, карающий нарушителей норм социалистической морали.

Вот на этот закон со спокойной совестью и опирается любой советский судья. В нем он черпает истину. Об этом законе напоминает статья 112 Конституции СССР, гордо воздвигнутая над судьейским столом: «Судья независим и подчиняется только закону».

Протолиным перекрестным вопросом и

вопросами, как будто внезапно, неожиданными, а на самом деле глубоко обдуманными, подготовленными, рожденными сутью судебного дела, его тайнами, неуловимыми, на первый взгляд, изгибами, народный судья Башева постепенно восстанавливает истину. В конце судебного заседания выяснилось, что некто Васильев, ученичий и хищник, оклеветал, своим личным счетом, гражданку Лукьянову и Мосееву. Суд оправдал их обеих и освободил из-под стражи. Выяснилось также истина в трудовом деле о краже масла на фабрике им. Крупской. Благообразный старик, атактичный с виду, церковный староста, выступавший в начале судебного заседания как свидетель, в процессе судебного следствия был уличен как главный вдохновитель воровской шайки, как скрупулезный краденый масла, необходимого для «священного» огня церковных лампад.

Распустила М. А. Башева еще одно трудное дело. Перед судом предстали два молодых человека, обвиняемых по одному и тому же делу, — Воротилов и Губов. Один из них — Губов судился заочно. Боясь суда, он бежал. У судьи как будто были неопровержимые доказательства вины Губова, вины, усугубляющейся фактом его бегства в суд. Башева, между тем, в процессе судебного следствия твердо установила, что преступление совершил один Воротилов, в чем он в конце концов вынужден был сознаться. Губову был вынесен оправдательный приговор.

Я всю жизнь буду помнить момент оглашения приговора. В полной тишине, исполненной торжественности, напряженного ожидания, прозвучал голос судьи, голос, вдруг выросший, ставший необычайно сильным и чистым:

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...

И с этой секунды Башева, как Башева, казалась, перестала существовать. Остался судья, произносящий своими устами истину, которую ему доверил народ. Башева как бы растворилась в том, чей властью она одному человеку даровала свободу, а другому заключала в тюрьму.

Именем народа творится на нашей земле истина в большом и малом деле. Именем народа благословляется наш человек на большие и малые подвиги, именем народа наказываются те, кто нарушает святые законы нашего общества.

Приговор оглашен. Судебное заседание окончено. Но мы, слушатели, не спешим расходиться. Я смотрю на людей, пришедших послушать разбор судебных дел, и по глазам ткачих и слесарей, механиков и инженеров вижу и чувствую, как высоко они оценивают благородное и трудное дело народного судьи.

Когда мы спускались по лестнице дома суда, человек с красным обветренным лицом в черной, тронутый первой сединой усами задушило протоколисту вслух: — Вот это человек! Народную совесть несет она в сердце своем.

Он сказал то, что мы все чувствовали. Мы вышли на улицу. По темноте, по небу в беззвучном ослеплении луновых облаков мчалась круглая веселая луна. В ее свете незаметно казались германские городские электрические огни. Воздух был морозным, прозрачным, восточным, казался, на чистой разности. Как хорошо дышать таким воздухом, как хорошо жить под таким небом, на такой земле, которую освещает вечный, неутомимый свет справедливости, правды, добра и человеческой любви — свет законов нашей жизни.

ИЗАНОВО. (По телефону).

АГРЕССОРЫ БЕЗ МАСКИ

1. ЧУДЕСА
МИСТЕРА ДАЛЛЕСА

Г. ПЕТРОВ

На последнем, пятидесятом по счету заседании третьей сессии Генеральной Ассамблеи в Париже выступили официальные ее руководители — председатель Ассамблеи Эварт и генеральный секретарь ООН Трюгве Ля. Цветистым узором вычурных речей они пытались замаскировать, записать провал этой сессии. Они димемерно заявляли, что, поскольку сессия еще не закончилась и будет продолжена в апреле 1949 года, трудно или почти невозможно подвести какие-либо итоги ее работы.

С другой стороны, мастер острых блуд в международной политике Джон Форстер Даллес, возглавлявший после отъезда Маршалла американскую делегацию, вобравшись на трибуну, не краснея, заявил, что нынешняя Ассамблея ознаменовалась «сплошным «чуждесом» и «чуждесами». Нам не известны «чуждеса» новоявленного американского фокусника. Может быть, он имеет в виду отказ англо-американского большинства Ассамблеи запретить атомное оружие и сократить вооружения вопреки воле народов всего мира? Может быть, «чуждеса» мистера Даллеса состоят в воспрещении из мертвых межсессионного комитета, которому незаконно продали существование еще до этой сессии? Или же эти «чуждеса» и «успехи» заключаются в той наглости, с какой используются теперь Организация Объединенных Наций для империалистических в делах Греции и Кореи?

Однако, если рассматривать Генеральную Ассамблею без чуждес, причуд и притворной англо-американской политики, то картина станет совсем иной.

2. МИРОТВОРЦЫ ИЛИ АГРЕССОРЫ?

Первым и основным вопросом повестки дня сессии Генеральной Ассамблеи было предложение Советского Союза о запрещении атомного оружия и о сокращении на одну треть вооружений и вооруженных сил пяти великих держав в течение одного года.

Отвечая на вопрос о причинах, лежащих в основе советских предложений, А. Я. Вышинский в интервью по радио Объединенных Наций сказал:

«Делегация СССР уязвима на непрекращающуюся бешеную гонку вооружений и вооруженных сил в Соединенных Штатах Америки, Англии и в ряде некоторых других стран англо-американского блока. Делегация Советского Союза указывает на тот военный потенциал, который будет в этих странах, на ту непрерывную мобилизацию сил, на ту уверенность в завтрашнем дне, которая ведет теперь к отлаженной обработке общественного мнения, подстрекающей к новой войне. Делегация СССР считает своим долгом обратить внимание на ведущуюся за кулисами Организации Объединенных Наций в разных штабах и военных канцеляриях Соединенных Штатов Америки, Великобритании и некоторых других стран, находящихся под англо-американским влиянием, изощренную работу по подготовке к войне против СССР и стран новой демократии Восточной Европы».

Мы говорили уже в начале этой сессии с трибуны ООН, что милитарные проститутки, своей кровью запятанные за преступления фашистских организаторов второй мировой войны, не тотат допустить и не допустят повторения новой войны, несущей всему человечеству страшные бедствия и страдания.

Вот те основания, в силу которых советское правительство сочло необходимым поставить перед третьей сессией Генеральной Ассамблеи этот исключительный важ-

ности вопрос о запрещении атомного оружия и о сокращении пяти великими державами на одну треть всех своих вооружений и вооруженных сил.

Как же отнеслись к советским предложениям англо-американские руководители круги и их сателлиты?

Сначала прозвучала каскад миролюбивых речей, имевших целью обмануть общественность всех стран. Потом ретивый хор миротворцев по команде завышал об отсутствии международного доверия, которое не имеет и запрещению атомной бомбы и сокращении других видов вооружений. По странной логике англо-американских милитаристов выходило, что международное доверие можно восстановить только атомным оружием, увеличением числа авиационных полков, оснащением новых полков и танковых дивизий.

В тот самый момент, когда с трибуны Генеральной Ассамблеи прозвучали эти лицемерные, уморительные речи, в окрестностях Парижа, в местечке Фонтенбло, из старых замков выбрасывались музейные реликвии: здесь обмундировались штабквартиры фельдмаршала Монтемери, командующего объединенным штабом так называемого западного союза, охватывающего Англию, Францию и страны Бенелюкса.

В то время в Вашингтоне, за магическими бархатными занавесом шла непрерывная секретная сессия о создании атлантического пакта, который должен был заключить для развязывания будущей агрессивной войны. Военный министр США Форрестал планирует оснащение 25 европейских дивизий, а государственный секретарь Маршалл обвиняет Советский Союз в нарушении международного доверия. Что и говорить, непохожее взаимодействие двух родов американского оружия...

Заслуга советской делегации на Генеральной Ассамблее состоит в том, что она вывела на чистую волю англо-американских поджигателей войны. Отказ от принятия советских предложений о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений привел к еще большему разоблачению агрессоров, которые не тотат разоружаться и которые наступили на полный ход своим атакующим машину по подготовке новой войны.

3. ШАГ НАЗАД

Организация Объединенных Наций, призванная служить укреплению мира и международного сотрудничества, мешает агрессорам в осуществлении их планов мирового господства. Если мы и нуждаемся в такой форме международного сотрудничества, то лишь как маскировочный халат для прикрытия агрессивных действий и планов. И если Организация Объединенных Наций до сих пор не превратилась полностью в своего рода отряд государственного департамента США, то это произошло только благодаря деятельности в ООН боевого и неадекватного меньшинства, возглавляемого Советским Союзом.

Неудивительно, что англо-американский блок пытался и на этой сессии Генеральной Ассамблеи нанести удар в спину ООН — по принципу «вето», чтобы лишить Советский Союз той роли, которую он играл до сих пор.

На арену был вынужден торжественно выступить молчаливый аргентинский делегат Арсе. Не будем говорить о том, как сочетаются предложения Арсе с теми предложениями на роль сторожников международного сотрудничества, которые заявляли аргентинские представители в Совете Безопасности. Будем говорить о фактах. Факты

же сводятся к тому, что при обсуждении вопроса о приеме новых членов в ООН аргентинская делегация внесла предложение решать вопрос о приеме простым большинством семи членов Совета без обязательного единогласия пяти великих держав. Аргентинское предложение настоятельно противоречило уставу, что англо-американцы не решились прямо голосовать за него. Однако окольными путями они все же одобрили смысл предложения Арсе, как «многообещающий акт». Несколько позднее американская делегация предложила созвать конференцию для пересмотра устава ООН. Тем не менее и это мероприятие главные могольщики ООН сочли преждевременным. Они голосовали против. Как видно, велась психологическая подготовка к тому, что нельзя сделать сегодня, но что хотели бы сделать завтра.

Следует напомнить о некоторых других вопросах, обсуждении которых также показало существование общей линии англо-американского блока. Ассамблея приняла решение по вопросу о приеме новых членов в ООН, которое является явной дискриминацией в отношении таких демократических стран, как Болгария, Венгрия, Албания, Румыния, Монгольская Народная республика. Она рекомендовала Совету Безопасности руководствоваться при приеме новых членов в ООН пресловутым заключением Международного суда, казуистический смысл которого раскрыл в своих выступлениях А. Я. Вышинский.

Отвечая на фальшивые речи по поводу «чуждес» и «успехов» третьей сессии Генеральной Ассамблеи, глава советской делегации А. Я. Вышинский на заключительном пленарном заседании заявил: «Можно ли при таких обстоятельствах говорить о каких-либо заслугах третьей сессии Генеральной Ассамблеи? Можно ли говорить о сколько-нибудь положительных результатах этой сессии? Нет, нельзя. Больше того, эта сессия вошла в историю ООН как сессия, которая сделала еще один шаг по пути дальнейшего развития той политики, которая ведет к ослаблению международного сотрудничества, к усилению борьбы против миротворцев, направленных не на слова, а на дело на предотвращение новой угрозы войны, на укрепление мира и безопасности народов».

4. ЗА МИР, ПРОТИВ ВОЙНЫ

Советская делегация и на этой сессии Генеральной Ассамблеи неизменно была в центре внимания мировой общественности. Советские предложения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений нашей глубокой отклик в самых широких слоях народов. Сытые двух миллионов болгарских женщин подписали благодарственное письмо на имя делегации СССР. Миллионы итальянских женщин перелили приветствия СССР через своих представителей, доставивших в Париж главную советскую делегацию. Рабочие и крестьяне Франции через свою руководящую партию коммунистов во всеуслышание заявляли, что французский народ никогда не будет воевать против Советского Союза. Пусть этот ясный истинный наш дружеский вызовет эгобу и неадекватность разных языков вдалеке, но в этом зовуны проследитися многие миллионы простых людей, влияющих в Советском Союзе защитника мира и свободы. Голос советской делегации звучал не только в зале дворца Шайо, но был слышен во всех углах азиатского шара. И если советская делегация и делегация стран народной демократии оказались в формальном меньшинстве среди 285 делегатов Генеральной Ассамблеи, их политика выдвигает единодушную поддержку среди большинства сторонников мира.

ПАРИЖ—МОСКВА

Эльмар ГРИН

Слова и дела г-на Фагерхольма

Финляндия получила независимость из рук Ленина и Сталина. Отношение советского народа к этому историческому акту с предельной четкостью было выражено словами товарища Сталина: «...Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским! Нисколько оценок, никакого поворота сверху над финляндским народом! Таковы руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров».

Вся дальнейшая история отношений между двумя странами свидетельствует о том, что Советский Союз честно придерживался этой политики — политика уважения суверенных прав финского народа. Но реакционные правители, установившие свою власть над финским народом с помощью германских штыков фон дер Гольца, превратили территорию Финляндии в плацдарм антисоветских интриг, в логово гитлеровского притона, где подготавливался поход на молодое тогда еще советское государство.

Сколько раз на протяжении прошедших тридцати лет финская реакция использовала свое пребывание у власти в антисоветских целях, то есть во вред своему народу! Мы знаем ввиду то поддержку Идунгиза в валюты на Советскую Карелию, то колониальное передел Вильгельмом II, как протектором «финского королевства» во главе с его родственником принцем Фридрихом Карлом Гессенским, то слуги страны в арены англо-французских интервентов. Германский Святойшуд сменился англофинским Маннергеймом, лагуасы и коалиционеры — «социалистами» типа Таннера и Хаккиля, но независимо от всех перемены политической локализации социального содержания внешнеполитического курса финской реакции оставались неизменными: она старалась сделать Финляндию предместием укреплением для любых за-

риантов «крестового похода» против СССР. Она спекулировала на геополитическом положении страны, на том, что в ее возможности было помочь интересам установившей пушки в тридцати двух километрах от Ленинграда.

С советской стороны было сделано все, чтобы ликвидировать взаимное недоверие, в течение 150 лет существовавшее между Россией и Финляндией. Но как отвечали на эти попытки реакционные правящие круги Финляндии? Они отравляли народ попятнистическим ядом ненависти к СССР, разжигали финноманские чувства, зарисовывали на советские территории до Урала и даже до Енисея, как на «исконное жизненное пространство угрофинской расы».

Еще в 1939 году, когда на Западе шла война и в результате сговора гитлеровского штаба с финскими создателями угрозы северным границам Советского Союза и козыряла революция — городу Ленин, что первым предложила ценой взаимных уступок устранить возникшую напряженность? И кто отверг это предложение? Кто отверг также предложение о заключении пакта о взаимопомощи, подписанном тем самым своим несправедливым враждебностью, привнесшим, в конце концов, к печальному для Финляндии конфликту? Их имена — Рюта, Таннер, Линдхольм, Кивимяки! Все они заключены финским народом, как военные преступники, как виновники двух национальных катастроф. На их советские сотни тысяч жизней молодых финнов.

Политика вражды к левому миролюбивому соседу была «сориентирована» финской реакцией в промежуток между двумя мировыми войнами. С негустотой сменяли хельсинкские правители более германфильство на благоволение англо-фран-

цузских банкиров в 1918 году. С такой же быстротой они в 1940—41 гг. переметнулись из англо-французского империалистического лагеря в объятия Гитлера. Гитлеровский «рейх» казался им несомненно, несомненным, с его помощью они хотели овладеть мажорными богатствами Советской Карелии, захватить Ленинградскую область.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией развела в прах мечты финской реакции. Советская Армия прогнала немецкие орудия и их союзников от ворот Ленинграда. В своем неудержимом движении вперед советские воиска дошли до берегов Атлантического океана на севере и вынуждали гитлеровцев убраться и из Финляндии. И тут весь мир узнал, как далеко может простираться великодушное советского народа, когда дело касается уважения прав других наций. Советский народ не воспользовался своим правом победителя, не оккупировал Финляндию. Выказывая Ленин в Сталина о желании видеть Финляндию свободной и самостоятельной осталась неизменными. Советский народ широко распахнул двери для торговли, для культурного общения, желая установления искренней и прочной дружбы. Правительство Мауно Пеккала, накопившее у власти до конца июня 1948 года, по мере сил старалось укрепить независимость страны, развивать дружественные отношения с миролюбивым Советским Союзом. Правда, в то же время правые социал-демократы нутались в ногах у этого правительства, ставя палки в колеса, всячески тормозив демократическое развитие страны. Но в первые годы после войны голое простое человека вынуждал из скрывать под маской дружбы свои «свеченные, роз неугады» к осуждению истории и финским народом реакционному направлению финской политики.

После войны Советский Союз сделал немало для того, чтобы закрепить рост дружбы между обоими народами. Советский Союз обеспечил Финляндию самым необходимым — продовольствием. Советский Союз пошел на снижение репарационных платежей. Советский Союз пошел на уступки в отношении немецких активов в Финляндии, которые по мирному догово-

ру переданы СССР. Заключенный договор о дружбе укрепил независимость Финляндии, стабилизировал ее внешнеполитическое положение. Товарищ Сталин в своей речи от 7 апреля 1948 года на обеде, данном в честь финляндской правительственной делегации, прибывшей в Москву для заключения договора о дружбе, сказал: «Я хотел бы, чтобы от длительного периода взаимного недоверия, в течение которого мы дважды воевали друг с другом, мы перешли к новому периоду в наших отношениях, — к периоду взаимного доверия».

Дела Советского Союза полностью соответствуют этим словам.

Но можно ли сказать, что глава нынешнего правительства Финляндии г-н Фагерхольм, пришедший при помощи внутренних и внешних интриг на смену правительству Пеккала, честно стремится к искренней дружбе с Советским Союзом? Соответствуют ли его дела расточающим им любовным удушкам и возвышенным декларациям о дружбе с Советским Союзом?

Прямо скажем, — нет!

Фагерхольм использует любой повод для того, чтобы подкрепить неизменные чувства дружбы, которые якобы питает его правительство к советской стране; он уверяет, что сейчас покинута с той политикой, которая превратила Финляндию в самую далеко выдвинутую в границах СССР пешку на шахматной доске антисоветских комбинаций империалистических сил.

Но тут же Фагерхольм, сославшись на пресловутую «норматическую ориентацию» и «северную общность», вытесняет Финляндию в чернильце-бенинскую «Облавленную Европу».

Можно ли говорить о политике искренней дружбы с Советским Союзом, если председатель социал-демократической фракции сейма Хаккиля (тот самый, который назначен «главным исполняющим» за Таннера) вел переговоры с Черчиллем о присоединении Финляндии к «Объединенной Европе»?

Писательница США в Финляндии высоко оценила результаты деятельности Фагерхольма по ликвидации демократических

завоеваний финского народа и настоятельно раскоченелся, что заговорил о войне.

Но прагматизм правительства Фагерхольма Финляндия обследовала вдоль и поперек представителями Международного банка реконструкции, где, как известно, первую скрипку играют американцы.

Решение всех этих закоксовых «экспертов» гласит: для получения обещанных благ Финляндия должна присоединиться к маршаллизированной Европе. Правда, американский посланник Уоррен готов провозгласить известный лозунг: «Учитывая шестидесятилетнее положение Фагерхольма, он сейчас согласен довольствоваться фактически присоединением без формального, то есть гласного, подтверждения этого акта. Итак, достаточно одного лишь декларативного заверения в том, что экономический и военный аспекты «плана Маршалла» будут положены в основу финской внутренней и внешней политики. Конечно, при условии, что Финляндия будет соблюдать все основные пункты двусторонних соглашений, навязанных США остальным маршаллизированным странам: сократит торговлю с Восточной Европой, направит товары в маршаллизированные страны Японии, организует совместно с американцами работы по геологическим изысканиям на севере Финляндии, создаст американско-финляндскую компанию по эксплуатации естественных ресурсов и пр. и пр. Таков внешнеполитический путь, по которому г-н Фагерхольм велет сейчас Финляндию».

Своеобразно понимает Фагерхольм также и развитие культурных связей с Советским Союзом, если учесть, что в финских театрах ставятся антисоветские пьесы, восхваляющие «военную доблесть» финских фашистов, если клубы и спортивные организации превращаются в очаги для таких распухших по мирному договору «скульптурных» организмов, как «Карельские академические общества», «Шонкоро», а советский гражданин избивают в полиции

по всем «традициям» и правилам финских отпратки.

Впрочем, с точки зрения реакции Фагерхольм уже сделал свое дело. (Он не только возродил таннеровскую политику, но и выпустил на свободу ее автора — самого Таннера и других военных преступников — Липкомаса и Кивимяки.

Так завершился круг. От политики Таннера к самому Таннеру.

Из всего сказанного совершенно ясно, что сторонники «третьего пути Фагерхольма», воплощенного в нынешней внешней и внутренней политике Финляндии, в действительности толкают страну на пагубный для нее путь маршаллизации. Они пытаются при этом скрыть от народных масс, что путь этот ведет Финляндию к потере независимости и экономической самостоятельности, усилению обнищания трудящихся, рост безработицы, установление контроля американских монополий над всеми областями общественной жизни страны. В то же время политика Фагерхольма, как и его предшественников на лагеря реакции, неминуемо ведет к усилению отчуждения в СССР и потому не сулит финскому народу ничего, кроме явного вреда.

Таковы неизбежные итоги из колыбельных в неопровержимых фактах, как бы усердно не старался господин Фагерхольм пригнать эти факты всякого рода словесными уверениями.

Следует, однако, учесть, что трудящиеся массы Финляндии, наученные горьким опытом недавнего прошлого, не могут одобрить внешнеполитический курс, неизбежно ведущий в конечном счете к усилению из собственного полжизни. И хотя финская реакция стремится игнорировать волю этих масс, — сейчас уже не те времена, когда народу можно было заткнуть рот. Это касается любой страны. И, конечно, Финляндия, в данном случае, не является исключением!

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.